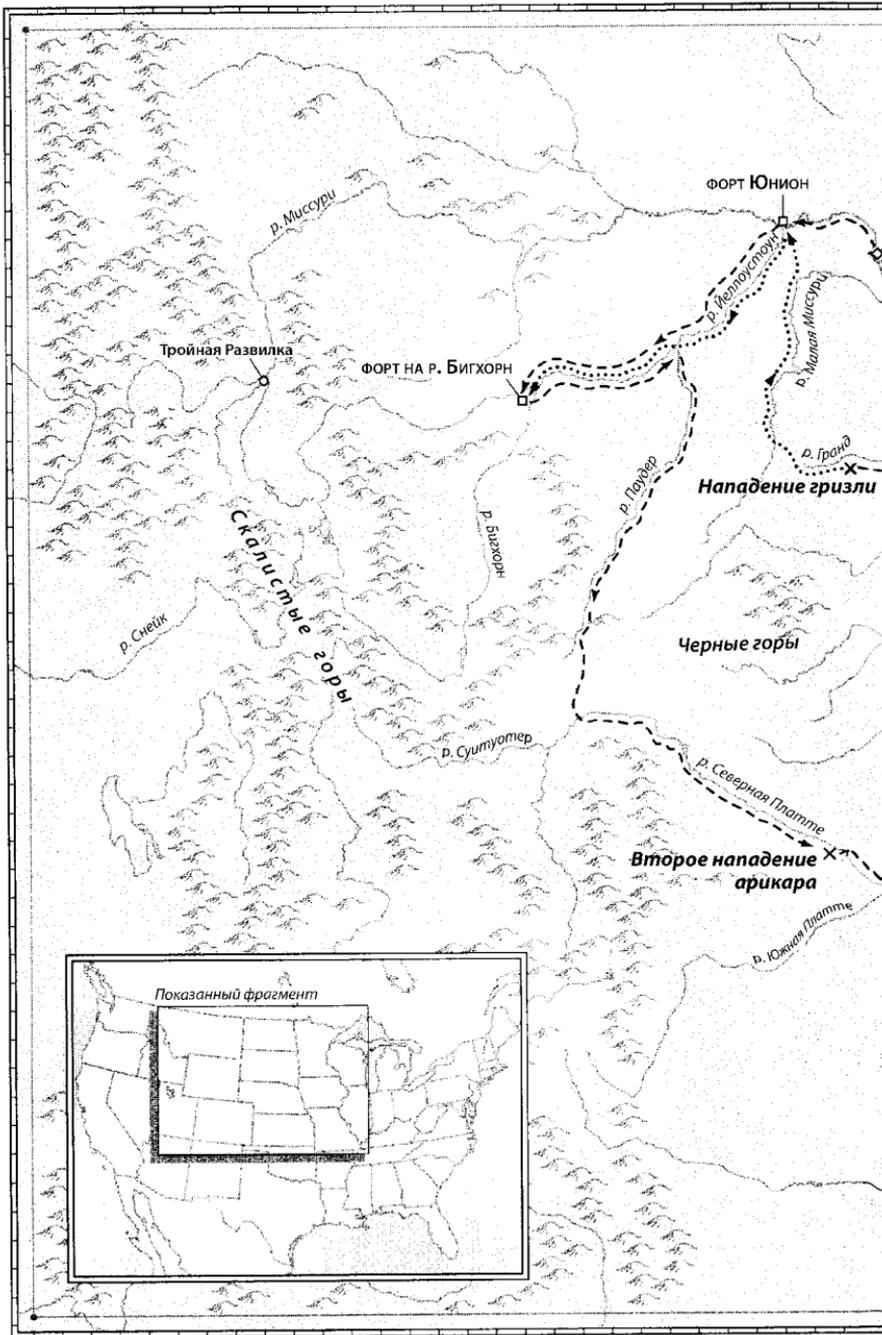

*Моим родителям
Мэрилин и Бутчу Панке*

Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божью],

Ибо написано: «Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь».

Рим. 12:19

Место действия романа 1823–1824

ФОРТ ТАЛБОТ

СЕЛЕНИЯ МАНДАНОВ

**Первое
нападение
арикара**

СЕЛЕНИЯ АРИКАРА

путь капитана Генри (Фиджжеральда и Бриджера)

путь Гласса

р. Уайт ФОРТ БРАЗО

р. Миссури

ФОРТ АТКИНСОН

р. Платте

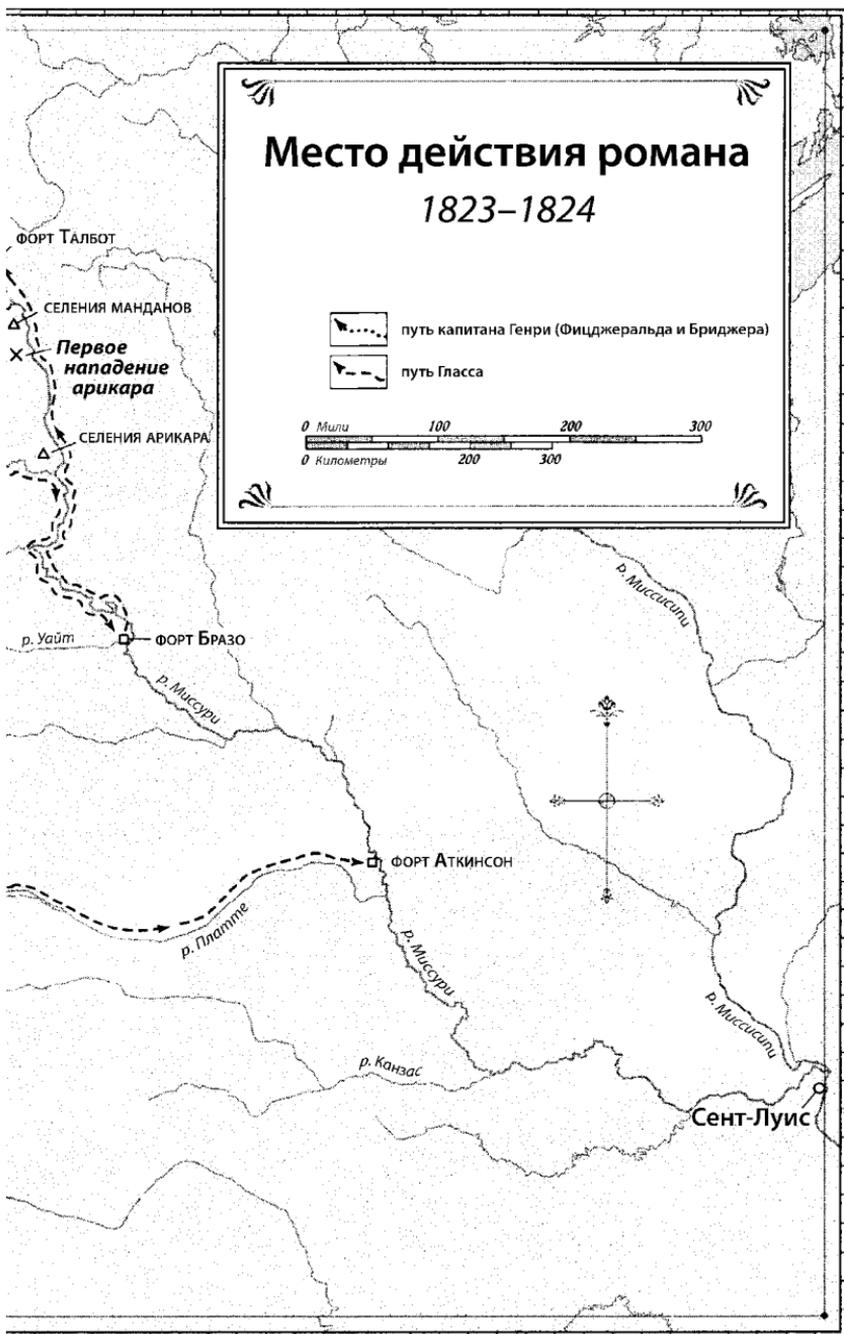
р. Миссури

р. Канзас

р. Миссисипи

р. Миссисипи

Сент-Луис

1 сентября 1823 года

Его бросают на произвол судьбы — раненый понял это по взгляду парнишки, который упорно смотрел в землю и по сторонам, не в силах встретиться с ним глазами.

Тому, второму, парнишка прекословил который день. (Неужто пролетели целые дни?) Все это время раненого одолевали лихорадка и боль; он толком не понимал, что из слышанных разговоров явь, а что горячечный бред.

Он глянул на громаду скалы, нависшей над поляной. С краю склона торчала корявая сосна, умудрившаяся вырасти на голом камне, и, хотя раненый видел ее не впервые, до него только сейчас дошло, что ствол и ветви образуют крест. Что ж, видимо, ему судьба умереть здесь, на поляне рядом с ручьем.

Странно, что обстановка его так мало волнует. Интересно, что он решил бы на месте тех двоих? Если они останутся, а снизу по ручью нагрянут враги — погибнут все трое. Пошел бы он на смерть ради них... если им все равно умирать?

— А точно сюда идут? — Парень явно не владел собой: привычный тенорок на последних словах вдруг сорвался в мальчишеский фальцет.

Тот, второй, в шапке из волчьей шкуры, метнулся к решетке у костра и принялся запихивать в кожаный мешок полоски вяленой оленины.

— Хочешь остаться и проверить? — рявкнул он.

Раненый хотел было заговорить, но горло привычно ожгло болью, и, как ни пытался он произнести единственное вожаденное слово, изо рта вырывался хрип.

Обладатель волчьей шапки, спешно собирая немногие пожитки, даже не повернул головы, оглянулся только парнишка.

— Он что-то хочет сказать!

Парень опустил на колено рядом с раненым — тот, не в силах говорить, повел в сторону здоровой рукой.

— Винтовку! Просит свою винтовку!

Второй в несколько уверенных шагов пересек поляну и грубо огрел парнишку по спине.

— Займись делом, прах тебя побери!

Подступив к раненому, человек в волчьей шапке оглядел его вещи: охотничью сумку, нож в украшенных бусинами ножнах, топорик, винтовку и рожок для пороха. Раненый, не в силах двинуться, беспомощно следил, как человек вытащил из охотничьей сумки огниво и переложил его в карман кожаной куртки; рожок с порохом он повесил на плечо, а топорик засунул за широкий кожаный пояс.

— Что ты делаешь? — воскликнул парнишка.

Тот, в шапке, нагнулся за ножом и перебрросил его парню.

— Держи.

Парень поймал оружие на лету и с ужасом взглянул на ножны.

Оставалась винтовка.

Обладатель волчьей шапки взял ее в руки и проверил заряд.

— Не обижайся, старина Гласс. Тебе она без надобности.

Парень застыл на месте.

— Бросить? Безоружного?

Мужчина в волчьей шапке лишь смерил его взглядом и, шагнув прочь, скрылся среди деревьев.

Лежащий неотступно смотрел на парнишку, замершего с ножом в руках. С его ножом... Парень поднял глаза, будто хотел заговорить, потом резко повернулся и исчез за соснами.

Раненый напряженно вглядывался в просвет между стволами, где скрылись бывшие приятели. Клокочущая в груди ярость охватила его целиком — как пламя сосновую ветку. Хотелось одного: задушить их на месте.

Зреющий в груди крик рванулся было наружу, однако горло лишь полыхнуло болью, не издав ни звука. Раненый приподнялся на левом локте — правая рука хоть и могла сгибаться, но опоры не давала. Шею и спину немедленно пронзило болью, натянулась кожа на грубых швах. Он глянул на ногу, туго обмотанную кровавыми лоскутами от старой

рубахи: согнуть бедро не выйдет, ногой не двинешь.

Собрав остаток сил, он с трудом перекатился на живот. С треском лопнул шов на свежей ране, спину залило теплой кровью, однако боли он почти не чувствовал — все затопила ярость.

Хью Гласс пополз вперед.

Часть I

Глава 1

21 августа 1823 года

— Моя лодка придет из Сент-Луиса со дня на день, мсье Эшли, — терпеливо, но настойчиво повторил француз. — Я охотно продам пушной компании Скалистых гор все ее содержимое, но не могу распоряжаться тем, чего у меня нет.

Уильям Генри Эшли грохнул жестяной кружкой о грубый дощатый стол. Хотя под аккуратно подстриженной седой бородкой играли желваки, они вряд ли сулили очередную вспышку: Эшли понимал, что сейчас ему противостоит самый презренный из врагов — ожидание.

Француз с невероятным именем Кайова Бразо не сводил глаз с собеседника и тревожился все больше. Визит Эшли в факторию — редкостная удача: надежное знакомство с такой фигурой обеспечило бы его предприятию длительный успех. Эшли знали в Сент-Луисе как крупного дельца и политика, который мечтал расширить торговлю на запад и имел для этого средства. Как называл их Эшли — «чужие деньги». Шальные деньги. Способные пригодиться не в этой, так другой рискованной затее.